

АЛЕКСЕЙ БЁРБУТ

БРАТСТВО



18+

Алексей Бёрбут

Братство

<https://litres.ru/73984936>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они были братьями.

Один хотел спасти мир силой.

Другой — спасти людей от этой силы.

Кай — солдат, которого война научила простой истине: чтобы построить мир, нужно уничтожить всё, что мешает порядку. Его называют Пахарем — человеком, который без жалости «выпалывает сорняки».

Ава верит в добро. Он пастырь детских душ и пытается сохранить в людях человечность даже тогда, когда мир превращается в механизм насилия.

«Братство» — повесть о любви и ненависти, о вере, власти, жестокости и цене справедливости.

Это история двух братьев, которым суждено стать врагами.

История мира, где добро и зло давно перестали быть очевидными. История выбора, после которого уже невозможно остаться прежним.

Содержание

Братство	Часть первая	Ава	Глава первая	4
Глава вторая				16
Глава третья				27
Глава четвёртая				36
Глава пятая				46
Глава шестая				57
Часть вторая	Кай		Глава седьмая	64
Конец ознакомительного фрагмента.				65

Алексей Бёрбут

Братство

Братство Часть первая Ава Глава первая

Младшего звали Ава. Он был светлый, весь целиком, до такой степени что казалось, кожа у него тоньше, чем у других. Его рыжие волосы вечно топорщились, сколько их ни приглаживай, а легко краснеющие щёки были круглыми и мягкими, как у младенца.

В семь лет Ава уже хорошо знал, что значит быть изгоем. Тело у него было рыхлое, склонное к полноте, и он носил его как неудобную одежду, постоянно извиняясь за свою неуклюжесть.

В классе его звали по-разному, но «уродом» — чаще всего.

Эта кличка прилипла к нему, как клей. Его называли так с удовольствием, с открытой издевкой, будто проверяя, будет ли он возражать.

Ава не отвечал никогда. Он вообще сторонился конфликтов и не мог понять, за что именно его не любят. Он был добрый, доверчивый, слегка не от мира сего — мог остановиться

посреди двора и смотреть, как свет падает на облупленную стену, или гладить бездомную кошку, забыв обо всём.

В тот день его зажали на заднем дворе школы.

Узкий двор с бетонной стеной и мусорными баками, от которых тянуло кислым, лишил Аву всякой надежды на побег. Четверо мальчишек быстро кружили его, прижав к стене. Без слов, как делают это уличные собаки, уверенные в своей безнаказанности.

И жестокая забава началась.

Кто-то толкает Аву в грудь, он ударяется спиной о стену и воздух выходит из лёгких резко, как будто его вырывают руками.

— Бей урода, — весело кричат мучители.

Первый удар — кулаком в живот. Потом ещё один, тоже в живот, но уже коленом. Несколько в лицо. Ава сгибается, прикрываясь руками, и чувствует, как что-то тёплое течёт из носа. Кровь капает на бетон, потом на куртку. Ава пугается, что мама будет ругаться из-за пятен.

— Не надо, — просит он, всхлипывая. — Пожалуйста.

По вечно розовеющим щекам катятся крупные, тяжёлые слёзы, смешиваясь с кровью. Кто-то пытается ударить в ухо ботинком — нога проходит мимо, но задевает плечо. Ава кричит от боли. Обидчики смеются. Смех громкий, возбуждённый. Им нравится его мучить, хотя он им ничего не сделал. Он просто не такой, как все, и этого достаточно.

Кай появляется сзади. Он не кричит, налетает сразу, молча, как волк, который прыгает на шею бегущего зверя. Ему двенадцать, но тело уже широкоплечее, сухое, сильное. Кай движется быстро, точно, а всё вокруг замедляется, и право на скорость — только у него. Чёрные волосы липнут ко лбу, смуглое лицо совсем белое, а глаза, цвета кожиры грецкого ореха, жёлты от ярости.

Первого из напавших он бьёт в висок. Ничего не поняв, тот падает мешком на бок. Второму — подножка: мальчишка визжит, летит на бетон, держится за колено. Кай не останавливается — всей ступнёй в лицо, не глядя. И ещё раз, и ещё.

Обидчики брата уже кричат от ужаса. Один пытается бежать — Кай догоняет в два прыжка, хватает за ворот и швыряет в стену. Удар. Сломан нос. Кровь льёт густо, потоком. В воздухе пахнет металлом.

Оставшийся прижался к стене в углу и выставил вперёд руки, как щит. На лице — страх, первобытный, мистический, будто перед ним не человек, а чудовище из страшной сказки, после которой боятся темноты. А Кай уже рядом и лупит — локтями, кулаками, ногами. Тяжело, размеренно, без пауз, не слыша криков. Он уже не может остановиться.

Когда учитель выбегает во двор, всё кончено. Кай стоит, тяжело дыша, только руки дрожат. Вокруг лежат тела. Учитель хватается за плечо, что-то кричит, тащит — и только

тогда мир возвращается.

В кабинете директора пахнет пылью и старой бумагой. Директор долго смотрит то на избитых мальчиков, то на Кая. Лица хулиганов сизые от синяков; один с трудом стоит на ногах, другой сидит, зажимая нос, и из-под пальцев всё ещё сочится кровь.

— Я понимаю, — говорит наконец директор. — Ты защищал брата. Но... посмотри, что ты с ними сделал, — Ты хочешь что-то сказать?

Кай не собирается оправдываться. Он упорно молчит. Только сидит прямо, как будто его привязали к спинке стула и сжав руки в кулаки, смотрит в пол. Он выполнил долг брата и уверен в своей правоте.

— Я вынужден вызвать твоих родителей, — вздыхает тогда директор. — Формально ты прав. Но так тоже нельзя.

Родители прибегают сразу. Мама с порога бросается на защиту сына. Кая и Аву выводят в коридор и сажают на старый кожаный диван. За дверью слышны голоса — громкие, раздражённые, полные праведного гнева, что вспыхивает у взрослых, уверенных в своей правоте. Голос директора уже смущённый и растерянный; он оправдывается, объясняет.

Ава сидит, подтянув колени, и тихо всхлипывает. Болит губа, болит нос. Но страх за будущее сильнее боли.

— Сегодня ты меня защитил, — говорит Ава, не поднимая

глаз. — А в следующий раз они опять меня поймают.

Кай наклоняется к Аве, и смотрит ему прямо в глаза.

— Ава, — говорит он. — Я твой брат. Я всегда буду рядом и никому не дам тебя обижать. Я буду защищать тебя всю твою жизнь.

Ава кивает. Он верит брату. Никого ближе брата у Авы не было и нет.

После этого случая травля прекратилась. Никто больше не трогал Аву. Но отношение к нему не изменилось. Девочки продолжали смотреть свысока, морщить нос и шептаться за спиной. Мальчишки кидали косые взгляды, брезгливо фыркали и продолжали дразнить уродом. Только теперь никто не подходил к Аве слишком близко. Все боялись Кая. Это вполне устраивало Аву. Быть чужим для всех он привык, а презрение лучше, чем боль. Единственным другом, товарищем и партнёром по играм Авы был Кай.

Их разделяла разница в возрасте, а разница интересов — ещё больше. Кай любил игры быстрые, шумные: бегать, ловить друг друга, представлять себя шпионами, солдатами, рыцарями.

Ава же любил игры тихие. Любил делать всё медленно и тщательно. Из пластилина лепил целые армии. Копьеносцы, всадники на лошадях, слоны — всё это оживало под его пальцами. Ава ставил их в боевые порядки, придумывал стратегии, часами устраивал сражения на столе или полу.

Для Авы это уже поле боя: солдаты бегут в атаку, им отдают приказы командиры, одни крепости падают, другие держатся.

Потом он начал строить корабли. Из старой книжки про пиратов заучил названия всех парусов и мачт. Грот-бомбрам-стеннга, кливер, стаксель — для Авы теперь не пустой звук. Вода пузырится в подветренных шпигатах, корабли ведут огонь к борту борт, а на грот-мачте висит чёрной тряпкой «Весёлый Роджер».

Аве нравилось показать брату на парус и потянуть за нитку, чтобы парус поднимался или опускался по желанию — как настоящий. Мачты Ава делал из тонких палочек, вытянутых из старого веника; паруса — из кусочков ткани; суровые нитки для снастей потихоньку таскал из маминой коробки. Он даже утяжелил пластилиновые корпуса кораблей, чтобы они держались на воде.

Для него это был целый маленький мир, подвластный рукам.

Кай наблюдал за братом, часто присоединялся к его играм, но быстро терял интерес. Ему хотелось действовать, двигаться, быть частью настоящей жизни. Ава же сидел, склонившись над своими фигурками, и всё для него — в деталях, в тихих и аккуратных движениях, пластилине под пальцами.

И всё равно они проводили вместе своё время. Другого

друга, кроме старшего брата, у Авы не было, и он привык к этому. А Кай привык к Аве — как к тени, как к вечному и неизменному спутнику.

Для Авы Кай был недостижимой вершиной: сильнее, увереннее, старше. А значит — всегда прав. Его слово стало законом ещё в раннем детстве, и Ава соглашался с этим почти инстинктивно. Он впитывал каждую сказанную братом мысль, не задумываясь.

При этом сам Ава умел то, чего совершенно не умел Кай: быть терпеливым, замечать мелочи. Но Ава не ценил это. Он мечтал о силе, решимости, умении действовать — о том, чем был так щедро одарён его брат. Их жизнь напоминала ритуал: Кай шагает — Ава следует. И Ава искренне радовался этой роли. Он сам сделал себя вторым.

Каждое лето их отправляли к бабушке в деревню.

Дом стоял на пригорке, вокруг тянулись огороды, за ними — поле, а дальше начинался лес. Дни были длинные, тёплые, наполненные запахом пыли, сена и нагретого дерева. Взрослые уходили по делам, а братья оставались одни — со своими детскими радостями, обидами и мечтами.

Однажды они набрали на старый деревянный сарай. Доски стен были тёмные, разошедшиеся, крыша — высокая, покатая, с вылезшими ржавыми гвоздями.

Кай залез первым — легко и быстро, будто сарай был обыкновенной детской горкой. Он поднялся на конёк, рас-

кинул руки и крикнул вниз:

— Ава! Тут классно! Смотри, какой вид!

Ава задрал голову. Отсюда сарай казался выше, чем на самом деле. Небо над крышей было тёмно-синее, а солнце — яркое и слепящее.

— Давай сюда! — звал Кай. — Тут всё видно!

Ава попробовал залезть. Ухватился за доску, но нога соскользнула. Он был меньше, слабее и тяжелее. Руки не вытягивали вес тела.

— Я не могу, — сказал Ава.

Кай спрыгнул вниз. Приземлился мягко, как кошка.

— Давай, — сказал он уже спокойно. — Я помогу.

Он встал рядом, подставил плечо, поддержал под спину. Ава пыхтел, цеплялся и лез, упираясь коленями в доски. Кай держал его крепко и уверенно. Через минуту они уже сидели на крыше. Отсюда деревня была другой — тихой, далёкой. Поле тянулось до горизонта, лес казался ровной тёмной полосой. Ветер трепал траву, и солнце грело крышу под ладонями. Ава улыбался.

Потом пришло время слезать. Кай спустился первым и, оказавшись на земле, посмотрел на Аву.

— Давай, — крикнул он. — Прыгай.

Ава посмотрел вниз. Высота вдруг стала огромной, а земля — слишком далёкой.

— Я не могу, — сказал он тихо.

Ава сел, попробовал повернуться и спустить ноги, но ничего не выходило. Крыша была слишком высоко и ноги не доставали до земли.

— Просто не бойся и спрыгни, — сказал Кай. — Это не страшно.

Ава покачал головой. У него всё сжалось в груди от одной мысли о прыжке. Горло перехватило от страха.

— Я боюсь.

Кай молчал. Ава всхлипнул. Слезы выступили сами собой, без спроса.

— Хорошо, — успокоил его Кай. — Не плачь.

Он снова залез на крышу.

— Давай так, — сказал он. — Я тебе помогу: ты просто перейдёшь на другую сторону, а потом я позову маму, и она поможет нам слезть.

Ава вытер нос рукавом и кивнул.

— Хорошо.

Кай подошёл ближе. Взял его подмышки. На секунду Ава почувствовал знакомое спокойствие: брат рядом, он поможет. А потом земля резко пошла вверх. Кай просто сбросил его.

Упал Ава неудачно — нога ударилась о корень, боль прошла по телу горячей волной. Он сел на землю и заревел уже по-настоящему — но не столько от боли, сколько от нежиз-

данности и обиды. Не хотелось верить в вероломство того, кому так доверял.

— Кай... — сказал он сквозь слёзы. — Ты же обещал... Ты же сказал, что поможешь.

Кай не ответил. Лицо у него было спокойное и сосредоточенное.

Он постоял ещё немного, а потом прыгнул к Аве. Кай знал — всё сделано правильно. Он помог брату побороть его страхи. Ава не смог сам и нужно было его заставить. Это обязанность старшего.

— Я просто помог, — повторил он Аве свою мысль.

В тот год у Кая в школе появилась новая мода. Её называли «полицейские дубинки». В магазине покупали плотные пластиковые обложки для дневников. Дома их сворачивали в тугую трубку, а потом обматывали по краям изолентой — так получалась тяжёлая, упругая палка. Била она больно, почти как настоящая резиновая.

Кай принёс такую обложку домой и сразу понял — одному ему не справиться.

— Ава, — позвал он брата. — Подойди.

Ава сидел на полу и возился со своими фигурками. Услышав просьбу, он подошёл. Кай скрутил обложку в плотный рулон.

— Держи, — попросил он Аву. — Крепко.

Ава взял.

Слабым детским пальцам трудно удержать тугой рулон. Ава держал, стараясь изо всех сил, но пластиковая трубка медленно развернулась. Дубинка быстро потеряла нужную плотность.

— Ты чего? — раздражённо спросил Кай.

Выдернул обложку, и снова скрутил — сильнее, плотнее.

— Держи нормально.

Ава снова берет рулон. Он напрягает руки так что белеют пальцы. Но всё бесполезно — рулон разворачивается.

— Да что с тобой не так? — уже кричит Кай на Аву.

Забрав обложку, он скручивает её в третий раз. Но на этот раз Кай не даёт её в руки Аве, а смотрит на него внимательно, оценивающе.

— Выставь руки.

Ава не понимает, чего хочет Кай.

— Зачем?

— Просто выставь.

Ава вытягивает руки вперёд, ладонями вниз, и сразу следует боль — горячая, жгучая. Удар пластиковым рулоном — короткий и резкий. Ава вскрикивает, отдёргивает руки и громко плачет.

— Теперь держи нормально! — холодно говорит Кай. — Держи своими руками! Крепче! И не реви!

Ава плачет уже без звука, текут слезы, дрожат губы. Он снова берёт рулон, снова пытается удержать. Но пальцы

скользят, руки трясутся, и обложка распускается.

— Выставь руки, — повторяет требование Кай.

— Не надо... — шепчет Ава без всякой надежды.

В ответ — всё тот же взгляд Кая. Не злость, холодная строгость.

— Выставляй!

Ава покорно вытягивает руки.

Удары продолжались один за другим — короткие, точные. Боль накатывала волнами; пальцы немели, кисти горели, будто их ошпарили.

Когда дубинка была готова, Кай удовлетворённо покрутил её в руках. Она была ровная, плотная, тяжёлая — как настоящая. Спустя минуту ему стало не по себе: слишком грубо вышло. Но, обдумав он понял — это для пользы дела. Он сделал то, что должен, чтобы брат стал мужчиной.

Ава сидел на полу свернувшись и прижав руки к груди. И рыдал — горько, без остановки. Тело было измучено, голова гудела. Но Ава не позволял себе обижаться — брат наказал, значит виновен.

Кай подошёл ближе. Сел рядом и положил руку на плечо Авы.

— Не плачь, — сказал он уверенно. — Я должен был это сделать.

Ава всхлипнул, посмотрел на него заплаканными глазами и покорно кивнул. Он ещё верил — так было нужно.

Глава вторая

О том, что впереди армия, в доме начали говорить, когда Каю исполнилось семнадцать. Отъезд брата немного пугал. Потому что ничего похожего в их жизни не было. Но два года пролетят незаметно, это совсем немного, и связь с Каем от этого не пропадёт. Ава был в этом уверен.

День отъезда неожиданно серый. Кай — собранный, серьёзный, о чём-то постоянно думает. Расставание у военкомата. Сумка с вещами, набитая слишком плотно. Мать твердит Каю где что в сумке, просит чаще писать. Беспреданно поправляет — воротник, ремень, лямку. Отец рядом, молчит, лишь изредка выдает короткую, неловкую шутку. Воспитание не его дело — так в семье было заведено.

Много призывников. Родители толпятся, волнуются. Разговоры о разном, но в интонациях, в жестах у всех что-то общее.

Призывники уже внутри, автобус трогается. На душе у Авы становится тяжело.

Кай машет из окна и улыбается. Ава бежит, машет в ответ и тяжесть уходит. Ерунда, детская слабость. Просто автобус скрылся за поворотом.

Домой шли уже молча. И только вечером, в общей комнате, Ава осознал, что остался один. Такого не было никогда.

Теперь он сам по себе. Это ново.

Ава пишет письма. Сначала два раза в неделю. Потом один. Про мелочи — события, школу, книги. Кай отвечает, но кажется, что писем Авы он не читает. Или читает наискосок.

Потом письма от Кая всё реже, всё короче. Только короткие фразы что всё нормально. Ава тоже чувствует — излагать мысли все сложнее. Слова не рождаются так как раньше. Их жизни расходятся — постепенно и навсегда.

Без брата жизнь Авы начала меняться. Он вырос за лето, вытянулся, похудел. Клеймо «урода» изрядно потускнело. А тут ещё в школе расформировали классы и у Авы новые одноклассники. Подростки сбиваются в группы. Возраст.

К своему удивлению, Ава в одной из них. Это место в маленьком мирке впервые в жизни дарит Аве уверенность. Он уже не безгласный ребёнок, над которым издевался весь класс. Здесь Ава впервые нашёл друзей. Это не бунтари и не отличники — группа обычных ребят, «середняков». Но его слово теперь имеет вес. Его слушают, просят совета, а иногда им даже восхищаются.

Сначала он говорил в компании редко. Больше слушал. Потом начал вставлять короткие замечания, и разговор неожиданно менял направление. К нему стали прислушиваться.

— Откуда ты это знаешь? — спрашивали его.

Ава пожимал плечами.

— Читал.

Ава любил читать с детства. Так было заведено в доме. Книги ценили. Домашняя библиотека насчитывала несколько сотен томов. Книги собирали — покупали, брали у знакомых, выменивали. Родители читали, Кай читал увлечённо, но Ава читал больше всех.

Ему всегда было мало. Когда книги в доме заканчивались, он шёл в библиотеку. Потом записывался ещё в одну. Потом — в третью. Часто брал сразу по несколько книг и возвращал на следующий день. Читал быстро, запоем. Исторические книги, приключения, фантастику, энциклопедии. Некоторые перечитывал по несколько раз — потому что снова хотел побывать внутри. Ава не считал, что в этом есть что-то особенное. Книги были для него тем же, что для других музыка.

Однажды, в минуту, когда компания мучалась скукой, Ава начал пересказывать прочитанную книгу. Это вышло случайно, просто в голове всплыл сюжет, и слова потянулись наружу. Сначала он говорил неровно, перескакивая. Потом выравнился. Нашёл темп. Образы перед глазами — он снова идет по знакомым страницам.

Выяснилось — у него прекрасная память. Помня логику повествования ему легко снова собрать рассказ. Любимые места Ава цитирует страницами, почти дословно.

В этот раз он рассказывал долго. Вокруг стало непривычно тихо. Все слушали, говорил только Ава. Кто-то сидел, кто-то прислонился к забору. Никто не перебивал. Все были как замороженные.

С этого случая пошла его слава рассказчика. Теперь Аву уже просили что-то рассказать. Ему это нравилось.

Иногда он рассказывал новые книги, иногда возвращался к старым. Он сам не понимал, почему его слушают так внимательно. Но знал, если начать говорить, слова найдут нужное место.

Ава не замечал, как в его пересказе меняются книги. Одни сцены разрастались, другие уходили в тень. Не по воле автора, а потому что так решил Ава. «Три мушкетёра» в его изложении становились авиными «Тремя мушкетёрами». С этого момента это не просто история — в ней новая мораль, та, что верна для Авы.

Иногда он даже менял финал. Мог спасти погибающего в книге героя. Потому что не мог принять несправедливости книжного финала. Для Авы несправедливость это форма жестокости, лишний удар по миру, помогающий злу разрастись.

Он вообще не переносил насилие и жестокость.

Как и в любой подростковой среде, время от времени в разговоры просачивалась агрессия. Иногда — резкая, време-

нами будто шутливая. Кого-то поддевали, высмеивали. Это происходило само собой. Без сговора, без причин.

Ава это ненавидел. Память собственной боли жила в нём, как старая рана, которая болит при смене погоды. Когда при нём кого-то травили, он чувствовал почти телесную боль, растерянность и желание исчезнуть. Противный стыд за себя и друзей, с которыми он только что говорил. За то, как легко они подхватывают агрессию, будто им нравится она на вкус. Ава сразу поворачивался и уходил.

Друзья это заметили. И старались при нём держаться.

Так прошло почти два года.

Однажды, он рассказывал друзьям о брате. Все ещё восторженно. О его достоинствах. О упорстве. О силе ума. А в финале прибавил: наверное, он меня как человека и воспитал.

— А где он сейчас? — спросил один из друзей, с любопытством.

— В армии, — ответил Ава. — Но скоро вернется. Мы с детства вдвоем. Он мне всегда помогал. Защищал меня.

— Ты нас познакомишь?

— Конечно!

— А так много читать, он тебя приучил?

— Да. Он любит читать. Ну и я, глядя на него тоже.

— А у меня глаза болят, от чтения. Две страницы и всё.

— пожаловался друг — Здорово что есть ты Ава...

Позже, когда все уже расходились, один из друзей, наедине сказал Аве:

— Знаешь... а меня как человека, воспитал Ава.

— Кто? — изумился Ава.

— Ты.

— Я?

— Ну да.

Ава не знал, что ответить. Внутри было тепло.

— Значит, я тоже могу быть полезным. Пусть не таким как Кай, но — тоже нужным. Эта мысль для Авы стала откровением. Он осознал, чего ищет в жизни, — и то, что казалось смутной мечтой, обрело чёткие очертания.

К концу службы Кая о его возвращении в доме говорили так, будто он уже стоял за дверью.

— Уже скоро, — повторяла мать.

Обсуждали, где снять квартиру для сына.

— Не мальчик чтобы жить с родителями!

Иногда разговор шел дальше. Про «пора бы».

— Внуков бы... — начинала мама мечтательно, — Ну, не сейчас, конечно.

За будущее Кая не волновались. Все уверены — оно будет блестящим. Ава знал — в семье тревожатся только за него. Кая считали надежным, а Аву слишком мягким. Добрым, хорошим, но бесполезным. Эти мысли, никогда не высказываемые вслух, лишь укрепляли упрямство Авы. Он верил —

докажет себе и другим, на что способен.

Копить деньги на возвращение Кая мама начала заранее. Чтобы потом не метаться считая каждую копейку.

В один из вечеров она приносит тетрадный лист. Кладет на стол и начинает считать. Пишет карандашом, стирает, снова пишет. И Ава видит по лицу матери — не сходится.

Вдруг мама поднимает глаза. Смотрит на Аву и смущается.

Он в куртке, которую когда-то носил Кай. В свитере, который когда-то носил Кай. Вещи, переходили от брата к брату годами. И теперь всё снова — Каю, а Ава — опять между строк.

— Надо бы... — начинает она неуверенно. — Надо бы и про Аву...

Слова повисают в воздухе.

Ава встал.

— Не надо, — сказал он. — Правда. Я ещё могу к зиме вырасти. А потом куда это всё? Конечно, ему хотелось. Он же не каменный, обычный парень. Но он знал цену этим купюрам. Сколько раз их уже перебирали, считали, проверяли.

Ему было жалко её. И противно видеть, что она снова готова экономить, терпеть — опять ради кого-то. Ава не хотел принимать помощь, если она за счёт её страданий. А мама... Уже не молодая.

Когда ажиотаж ожидания достиг своего пика, Ава в почтовом ящике, среди счетов и реклам нашел письмо брата. Когда мама его прочитала, лицо её мгновенно поменялось.

— Посмотри... — сказала она отцу, дрожащим голосом.
— Это от Кая.

Отец прочел и помрачнел.

— Сверхсрочная служба. — Видно было что слова дались ему тяжело.

— Он... — всхлипывала мать.

— Не плачь, — успокаивал отец. Кай жив, здоров. Я всегда знал, что он выберет настоящий путь. Мужской. И он выбрал.

Мама кивала соглашаясь, но глаза были красные.

Чувства переполняли Аву, надо было побыть одному. Он бросил все и ушел в свою комнату. С одной стороны, он понимал — у Кая были свои резоны для такого решения, с другой для Авы это был абсурд. Впервые в жизни он был настолько не согласен с братом.

— Мы были так похожи, — сказал Ава, мысленно обращаясь к брату — Мы думали одинаково. Понимали друг друга без слов... Почему? Что ты мог там найти, Кай? Какое же это мужество? Молодой мужчина, вместо того чтобы вернуться в сложный взрослый мир, полный разочарований, трудностей и обид, остается чёрт знает где, надевает зеленую форму

и продолжает играть в рыцарей и пиратов? Настоящее мужество — здесь. Жизнь, ответственность, забота о близких. Что же они с тобой сделали?

С этого дня и навсегда Ава считал себя одиночкой. Тонкий волосок, соединяющий его с братом, порвался окончательно.

Чем ближе подходили выпускные экзамены, тем сильнее в воздухе витал вопрос о будущем. Об этом говорили все. Выбор, экзамены, поступление, планы. И только Ава не торопится, примеряя на себя каждую чужую надежду. Планы не строились и это раздражало.

Лихорадка выбора дошла до пика. В какой-то момент самый буйный из одноклассников, высокий, с раскосыми глазами, громко заявил обращаясь к классу: «Я в институт прокуратуры!» — все слушали, завидуя.

И тут на Аву напал бес противоречия. Он слишком хорошо знал каждого из них и видел, что это пустая похвальба.

— Слушай, а как ты собрался туда попасть? Знания у тебя так себе, поддержки тоже нет. — сказал Ава, — Тут нужны либо способности, либо тот, кто потянет тебя. Лучше и то и другое. На мгновение в классе повисло молчание. Никто не ожидал такого от Авы, но всем было понятно, что он прав. Даже сам хвастун, замер на месте.

Ава продолжил, чуть мягче, — А теперь подумай. Случилось чудо, ты поступил. Что дальше? Ты же не выносишь,

когда тобой командуют. А там все ходят по струнке десятилетиями. И всегда делают только то, что скажут. Ты готов?

Когда все разошлись на Аву напало уныние.

— А что я сам-то могу? — мучительно думал он, сидя в пустом классе. Что мне нравится? Чем мне хотелось бы заниматься, и чем я могу быть полезен?

Ответов не было.

— Признаемся честно. — Продолжал Ава, — Тут надо честно, без вранья. — Личное счастье... не для меня. Я всегда был тихим. Тихим и останусь. Значит всё, что могу, — стать кому-то нужным.

— А что я умею? — Он прикусил губу, — Ничего. Разве что рассказывать истории... да, рассказывать я похоже умею неплохо. Ну это уже что-то.

Яснее как дальше жить не стало, но стало легче. Как будто он наконец развернул карту реальности, на которую давно закрывал глаза.

Последующие недели прошли в раздумьях. Ава мучительно размышлял куда себя приложить... и ничего.

Как будто почувствовав его метания родители завели разговор о будущем.

— Ав... — начала мать, осторожно. — Куда тебе учиться? Поступать... экзамены... Это не для тебя. Иди лучше на завод. Там зарплата. Будешь с нами, рядом.

Ава поднял глаза.

— Я не буду работать на заводе, — сказал он спокойно, но твёрдо. — И мне надоело, что всё решают за меня. Раньше — Кай. Теперь вы ...

Подошёл отец. Он явно не ожидал от Авы отказа.

— Ав... будь реалистом ... — авторитетно заявил он. — Что ты будешь делать? Послушай мать.

— Нет, — стоял на своем Ава. — Я не буду этим заниматься.

Отец нахмурился. Он был удивлен такой твердостью сына.

— Это реальная жизнь, а не фантазии. Будь практичнее.

— Нет, — повторил Ава, — Я буду поступать.

— Куда? — насмешливо спросил отец.

— В университет. На исторический, — Выпалил Ава первое что пришло в голову.

Отец безнадежно махнул рукой и отошёл — младший всегда был непутевым, а теперь, совсем отбился от рук.

Мама сидела тихо и думала, — Поучится и бросит. Сам со временем все поймет.

Но Ава ничего уже не собирался понимать. Ава был в восторге. Он совершенно случайно только что определился с выбором.

Глава третья

Учёба далась Аве неожиданно легко. Сработал тот же принцип что и с книгами. Если был на лекции и писал — пересказать не трудно. Достаточно было запомнить логику, а детали всплывали сами. Даты и имена давались сложнее, но Ава научился справляться и с этим. Он выучил несколько опорных дат и имен, а потом привязал к ним всё остальное.

На экзаменах это выглядело почти вызывающе.

Вся группа в коридоре — напряжённая, взвинченная, особенно девочки, с тетрадами, исписанными мелким почерком, подчёркнутыми датами, определениями. Никто не хотел идти первым. Все ждали, смельчака, который проверит, как сегодня настроен преподаватель.

— Ты учил? — спрашивали у Авы.

— Нет, — честно отвечал он. — Даже не открывал.

Ему не верили и считали это лукавством.

— Ну конечно! Ава в своем репертуаре. Ты всегда так говоришь.

Пока очередь спорила, Ава просил пропустить его вперед. Шёл спокойно и получал пять.

Это повторялось, пока его слова о том, что он не учил не превратились в коллективную шутку. Однокурсники уверены, — Ава изображает лёгкость, а сам по ночам сидит с книгами. Он не спорил. Доказывать что-то не имело смысла.

Только два предмета — сухие и формальные — дались ему тяжело. Там надо было зубрить. Ава запутался, сбился, пересдавал несколько раз, и остался без красного диплома. Но Аве было всё равно. У него другая цель.

После вручения дипломов все вместе пошли в кафе — шумной, разномастной компанией. Ава сначала хотел отказаться. Он не любил такие посиделки. Слишком много людей и разговоров ни о чём. Но это было в последний раз, и он пошёл.

Кафе было шумное, тесное, с музыкой громче, чем нужно. Ава сел с краю, взял себе пиво, сделал пару глотков и больше к нему почти не притрагивался.

Разговоры быстро скатились к будущему. Кто куда. Когда очередь дошла до Авы, и он сказал, что в школу, за столом повисло молчание. Один из однокурсников, Сергей уже хорошо подвыпивший — громко рассмеялся.

— В школу? Ав, ты серьёзно сейчас?

Ава кивнул.

— Подожди, подожди... — Сергей поднял руку. — Ты же у нас один из самых головастых на курсе. Тебе бы в науку, в архивы, в экспертизу. Там твой уровень. А школа... — он махнул рукой. — Зачем тебе гробить себя с детьми?

— Хочу, — ответил уже закипающий Ава.

— Нет, ну если ты так любишь образование, — не уни-

мался Сергей, — иди в институт. Взрослые люди, уважение, статус. Преподаватель! А школа — это же адский ад. Бумажки, раболепие, интриги. Да ещё и дети! Зачем это?

Ава чуть не выпалил в ответ, — Учить их не быть такими, как ты. — Но сдержался.

— Это моё решение.

Сергей пожал плечами, и потерял интерес. Разговор пошёл дальше, но остался осадок — тяжёлый и неприятный. Ава встал и пошёл к выходу.

Тут же к Аве подскочил другой однокурсник — Паша. Пашка верный друг, с чувствительностью английского барометра всегда моментально вычислял настроение Авы.

— Не обращай на него внимания, — сказал он вполголоса. — Как был идиотом, так и останется.

Ава слабо улыбнулся.

— Но, — продолжил Пашка, почесав затылок, — если честно... мне это тоже не совсем понятно. Школа — это же... ну, ты там ничего не добьёшься. Будешь учить детей, а потом они будут навсегда уходить. Ты даже не знаешь, что с ними дальше стало. Годы идут, и всё — уроки, уроки, уроки. И так всю жизнь.

— Ты правда можешь больше, — добавил он. — В чем этот болван прав, так это в том, что ты самый умный из нас.

— Спасибо, — спокойно сказал Ава. — Правда. Но я всё решил.

Паша кивнул, по опыту зная, что спорить с Авой в такие минуты бесполезно.

Выйти Ава не успел — снова принесло Сергея. За несколько минут он умудрился опьянеть ещё сильнее.

— Ав, — сказал он. — Ты только не обижайся. Я же тебе по-дружески это говорил.

Ты же фанатик, Ав. Честно. Ты всегда таким был. Ты жертвуешь собой ради великих идей. Только скажи мне — кому это надо? Что, без тебя детей не научат истории? Научат. Только найдут кого-нибудь попроще. Подурее. Ты, Ава, фанатик и аскет. Недаром мы тебя за глаза монахом называли. Нельзя так, жизнь-то одна.

Ава молча вышел.

Первый же день в школе обернулся катастрофой. Ава пришёл раньше звонка. Выложил на стол конспект урока и стал ждать. В классе пахло влажной доской и мелом. В коридорах хлопали двери, раздавался топот. Детские голоса собирались в громкий шум. Ава нервничал. Первый урок.

Когда дети начали заходить в класс и здороваться, голос молодого учителя предательски задрожал. Ава ожидал от себя чего-то подобного, но не думал, что будет настолько плохо.

В конце концов все расселись и зашумели уже в классе. Кто-то листал учебник, кто-то переговаривался.

После звонка Ава начал урок. Первые минуты всё шло нормально. Голос только не слушался, но это мелочи.

И тут в глубине класса кто-то хмыкнул.

По спине Авы пробежал холодок.

Он сделал вид, что не заметил, потому что как реагировать на это, не знал. Смешок повторился. Не громкий, но отчётливый. Как иголка.

У Авы всё сжалось внутри. Он начал сбиваться, поминутно смотреть в конспект, проверяя себя.

Смешки всё чаще. Потом шёпот, дети переглядывались, делали друг другу знаки. Мальчик, сидящий на последней парте, с вызывающим видом откинулся на спинку стула, и не скрывал насмешки. Ава представил как выглядит со стороны. Нелепый коричневый костюм. Рыжие волосы. Торчащие уши. Не учитель, а практикант без авторитета и опыта.

Ава читал уже дословно, цепляясь за подчеркнутые фразы, как за поручни. Но чем больше он пытался придать себе строгости, тем громче становился класс. Уже не отдельные смешки — общий гул. Переговоры в полголоса. По рядам записки. Мальчик на задней парте скрестил на груди руки, и взгляд — как двустволка.

И тут мальчик поднимает руку.

— Да? — говорит Ава, пересохшими губами.

— Простите, — спрашивает ученик, — а вы точно наш

учитель?

Ава смотрит в конспект, потом на доску, потом на классный журнал. И в этот момент что-то щёлкает в голове.

Ава перепутал тему. Абсолютно. Он готовился не к тому уроку. Он сорок минут рассказывал то, что совершенно не относится к программе этого года.

В классе сразу становится громче. Смех не скрывают. Ава чувствует, как жар заливает лицо. Он открывает рот, чтобы что-то сказать — объяснить, поправиться, но слова не складываются. Класс потерян.

До конца урока остается несколько минут, и Ава ждет звонка как избавления.

По дороге в учительскую Ава писал заявление об увольнении. Мысленно. Потом так же рвал его, снова решался писать и так несколько раз.

В голове настойчиво стучало: — Может быть, этот гад был прав? Может быть, я просто взялся не за своё дело? Может быть, из меня педагог как из зайца математик?

Когда он вошел, опытные учителя, проработавшие в школе десятилетиями, по его лицу поняли произошедшее мгновенно. Подошла седовласая завуч Валентина Семёновна.

— Ава, — сказала она мягко, — Как прошёл ваш первый урок?

Врать Ава не умел. Он криво улыбнулся и пожал плечами. Валентина Семёновна кивнула.

— Первый урок — это всегда тяжело, — сказала она успокаивающе. — Поверьте мне.

Подбежала Таня — молодая миловидная учительница биологии.

— Это ещё и класс такой, — начала она горячо убеждать Аву. — Они всех новых пробуют на зуб. А ещё там есть один... Слава Тихонов. Святослав. Он несносный. Умный, но вредный. Не принимайте на свой счёт.

— Всё наладится, — сказала Валентина Семёновна, слегка коснувшись его плеча. — Дайте время.

Не наладилось. В следующие две недели таких откровенных катастроф, уже не случалось, но и лучше не стало. Дети, присмотревшись, сразу что-то в нём находили. Особенно подростки — у них безошибочное чутьё на слабость — не осознанное, но точное. Они смотрели на него внимательно первый урок, проверяли границы, а потом словно молча договаривались.

Всё, можно!

Можно разговаривать в полголоса. Можно не реагировать на замечания. Можно не писать. Можно не дать дневник. А главное можно не слушать и спокойно заниматься своими делами. Ава выбивался из сил стараясь переломить ситуацию. Ничего не помогало. Иногда ему казалось, что они просто видят, что он не настоящий учитель. Чувствуют фальшь.

Проходя по коридору, Ава заглядывал в открытые двери

других классов. Там стояла тишина, слышался голос учителя, да мел поскрипывал.

— Что со мной не так? — спрашивал Ава себя, — Что за таинственной силы мне не хватает?

Видя Авины мучения, ему наперебой бросились давать советы.

— Нужно поставить рамки.

— Будьте ближе, не давите.

— Просто будьте с ними построже.

Когда ничего из этого не помогло, в ход была пущена крупная артиллерия. С ним поговорили два заслуженных педагога. Они были очень непохожи друг на друга.

Первой была учительница младших классов, в которой дети души не чаяли. Весёлая, живая, с блестящими глазами и переливчатым голосом. Видно, было что её переполняло желание помочь молодому учителю.

— Чтобы дети слушали на уроке, нужно их заинтересовать предметом. Яркой темой, случаем из жизни, фактами. Непослушных можно попросить создать презентацию или проект. Создайте для них ситуацию успеха и им не захочется срывать урок. И вообще будьте другом своим ученикам! Дети любят равных по духу!

Второй была учительница английского. На её уроках дети вели себя как шёлковые, хотя она никогда не повышала голоса.

Невысокая, с безупречной осанкой, такой идеальной что, казалось, невидимая нить тянулась от её затылка вверх, задавая строгую вертикаль. Каждый шаг, каждое движение руки несли в себе уверенность человека, который точно знает, чего он хочет и что он может.

Слегка сжатые губы, тёмные, глубоко посаженные глаза, внимательно смотрели на Аву, пронизываяюще, будто сканировали. От одного этого взгляда Аве стало не по себе.

— Детям нужна структура. — медленно и размеренно говорила она — Когда они поймут структуру, они начнут работать. Во-первых, надо уяснить эту структуру для себя, во-вторых, натренировать детей.

Ава перепробовал всё. Безрезультатно. Становилось ясно что дело в нём самом. И это означало что он не справился. Он, наверное, бы так и ушёл — в архив, в аспирантуру, в научную работу, если бы не случайность.

Глава четвёртая

Ава решил сдатьсь. Этим утром он проснулся и понял, что ждать больше нет смысла. Внутри было пусто, как после долгой болезни, когда не осталось ни жизненных сил, ни надежды на выздоровление. Ава принял неизбежность ухода. Мысль об этом больше не возмущала. Вопрос был только когда написать заявление. Несколько дней Ава не мог заставить себя это сделать. Не хватало силы поставить точку. Он ходил в школу по инерции. Проводил уроки и ловил себя на том, что, думает о другом. Ава смирился с мыслью о собственном провале.

Этот урок шёл особенно тяжело. Один из самых трудных классов. Когда пришла пора говорить Ава почувствовал, что у него нет сил. И тогда он сделал то, что не планировал. Он просто заговорил ни о чём. Как с друзьями когда-то. Рассказывал какую-то чушь про то, как жили люди в то время. Незамысловатые, но живые факты.

Минуты через три он осознал, что что-то изменилось. В классе стояла абсолютная тишина. Ава замедлился на полуслове и поднял глаза. Все, до единого, смотрели на него. Они слушали.

Ава растерялся. На секунду мелькнула дикая мысль, что он сказал что-то странное и сейчас в классе начнётся хохот.

Не начался. Ава продолжил. Теперь уже осторожно — боясь разрушить что-то хрупкое. Он рассказывал дальше. Время исчезло. Слова привычно находили нужное место и связывались в единый клубок.

Спыхватился Ава довольно рано. Внутри тревожно прозвучало:

— Ты не объяснил основную тему! Вообще не начал урок!

Но остановиться он уже не мог. Казалось, если он сейчас прервёт рассказ, если вернётся к привычному, этот странный миг будет потерян. Порвётся какая-то невидимая нить.

И только когда до звонка оставалось неприлично мало времени, пришлось вернуться к школьной программе.

— А теперь, давайте всё-таки запишем тему. — сказал Ава.

В учительскую Ава возвращался триумфатором, хотя, и не понимал, что произошло.

— Что это было? Просто Чжуан-цзы и бабочка. — думал он, — Кто из нас изменился? Дети или я?

На следующем уроке Ава снова использовал фокус с рассказом и эффект повторился. После этого он уже не менял тактики. Выяснилось, что, если начать говорить, достаточно от полутора до трех минут, чтобы дети стали тихими. Дольше не продержался никто. Теперь ученики даже сидели иначе. Они не стали умнее. Они просто слушали. Как заворо-

женные. И этого всегда хватало до конца урока.

В коридорах он оставался тем же Авой. Его не смущались. При нём спокойно хулиганили. Он не стал для них авторитетом. Но стоило войти в класс — всё менялось.

Первым кто заметил, что происходит что-то необычное, была проницательная Валентина Семёновна. Во время одного из уроков Ава заметил, как завуч стоит у двери и пристально смотрит на него через стекло. Она не пыталась зайти, но и не уходила. Позже, уже в учительской, Валентина Семёновна сказала с удивлением:

— Ава, вы знаете, дети слушают вас по-особенному.

Ава не понял, что она имеет в виду.

— Они всех слушают, — ответил он.

— Нет, — сказала она. — Не так. Я работаю много лет и такого пока не видела.

Потом был учитель физики — Николай Петрович.

— Ава, — сказал он шутливо, — что вы делаете с детьми на своих уроках? Что за слово петушиное вы знаете?

— В смысле? — Ава поднял глаза.

— Они после вас какие-то другие, — физик рассмеялся, подбирая слова. — Тихие, задумчивые. И вообще.

— Задумчивые? А что еще, кроме задумчивости? — живо поинтересовался Ава.

Николай Петрович вздохнул, — Трудно объяснить. Они

стали добрее к друг другу, что ли.

— Бездельниками они как были, так и остались, конечно.
— продолжил Николай Петрович. — Но... есть что-то, что трудно даже описать.

Он неловко усмехнулся. — Они стали как-то взрослее, — нет, не то слово. Ровнее? Есть у меня один класс. Вечно свары, склоки, конфликты. Кто-то кого-то не любит, кто-то с кем-то поругался. Годами так.

— А тут смотрю сидят, тихо разговаривают. Даже на перемене всё спокойно. Я сначала подумал совпадение. А на днях вышел из класса на минуту. Обычно ведь как? Стоит учителю выйти — праздник непослушания. Кто встанет, кто разговаривает, кто бумажками кидается.

— И вот я возвращаюсь... — Николай Петрович прищурился. — И вижу в коридоре — человек стоит. На стрёме. Стережет не пойду ли я обратно.

— На стрёме? И что? — не понял Ава.

Физик опять рассмеялся.

— О, молодой человек, это называется взаимовыручка! Да ещё и личный риск! Альтруизм. Такого я у них не припомню. Чтобы так друг за друга.

Николай Петрович засобирался на урок.

— В общем, переменились они. Не понимаю — как. Но переменились. И похоже это после ваших уроков.

С легкой руки физика к Аве стали приглядываться. Школа слишком маленький мирок и шила в мешке не утаишь.

Каждая новость, даже самая безумная придиричиво рассматривается с всех сторон. Один за другим коллеги подходили к Аве и хвалили. Потом начали говорить про педагогический талант. А он мучился угрызениями совести. Ава понимал, что ни к таланту, ни к педагогике это не имеет никакого отношения. Он слишком хорошо знал себе цену. Но и отрицать происходящее было бессмысленно. Один класс — случайность. Все разом — тенденция.

— Так, что мы имеем, — думал Ава. Есть некий «Дар» — назовем это так. Это не случайность, это не новая методика, я его не разрабатывал, я на него просто наткнулся. Нашел как подосиновик в лесу. Значит, есть что-то во мне, чего я пока не понимаю. Но любым инструментом сначала пользуются вслепую, а потом — осознанно. Надо просто разобраться. Понять механизм. Если это уже является частью меня, значит им можно научиться управлять.

Действовать Ава решил системно. Если дар существует — значит, он проявляется при определённых условиях. Значит нужно их выявить и можно будет всё повторить.

Первое, что он сделал, — стал фиксировать своё состояние во время урока. Быстро стало ясно, что в эти моменты он как будто утрачивает контроль над собой. Голос становится ниже. Темп речи — более плавным. Интонации тоже менялись. А главное слова. Слова словно сами выстраивались в

рассказ.

Теперь оставалось попробовать вызвать всё это искусственно. В учительской он начал никчёмный разговор с коллегами. Придумал тему. Подстроил голос, темп, интонации.

И... полный провал.

Коллеги быстро начали бросать на него странные взгляды. Как будто он нарушил негласные правила. Ава понял неловкость ситуации и долго извинялся за то, что отнял время никчёмной болтовней.

Попытка номер два — разговор со знакомым вечером. Начал рассказывать историю — эпизод, который на уроке обычно оживал. Вошёл в нужный темп, позволил словам течь. И снова — ничего. Знакомый слушал, без искренней заинтересованности. Исключительно из вежливости. Ава остро почувствовал, что рассказывает человеку то, что тот не просил.

Чем больше он напрягался, тем меньше это походило на то, что хотелось получить. Через несколько дней экспериментов Ава почувствовал растущее разочарование. Он перепробовал всё. Попытался повторить это даже наедине с собой. Закрывал глаза, представлял себя в классе. Старался воспроизвести в памяти всё до малейших подробностей. Ничего не получалось. Ава пытался дирижировать, но оркестр молчал.

Тем временем «дар» преподнес новый сюрприз. Ава как

обычно зашёл в учительскую, взять журнал перед следующим уроком. И увидел Таню. Она всегда была самой звонкой в школе: смеялась громче всех, рассказывала истории с практики, спорила с физиком о теории эволюции и неизменно приносила домашнее печенье. Сейчас она сидела у окна, отвернувшись к батарее, и плечи её мелко вздрагивали.

— Что случилось? — ошарашенно спросил Ава.

Она махнула рукой, не оборачиваясь, будто отгоняла муху.

— Ничего... — голос её дрожал. — Я больше не могу с Тихоновым. Он меня сегодня... Довёл до слез. Я... я не выдержала.

Имя прозвучало тяжело. Что-то болезненно кольнуло внутри. Ава не забыл позор первого урока. И прежде, чем успел хорошо подумать, сказал:

— Я с ним сам поговорю.

Не помня себя, Ава выскочил в коридор. Школа гудела. Святослав стоял у окна в конце коридора, опершись на подоконник, и что-то оживлённо рассказывал двум одноклассникам.

— Слава, — сказал Ава, подходя. — Мне нужно с тобой поговорить.

Тот удивлённо приподнял брови, и пожал плечами.

— Сейчас? — спросил Святослав с вызовом.

— Сейчас.

Они зашли в пустой класс. Святослав сел за последнюю парту, развалившись, хотя и без привычной наглости — скорее с настороженным любопытством. Ава остался стоять. Ему всегда было легче говорить, двигаясь. Он прошёлся вдоль ряда туда — сюда и начал.

— Слава, то, что ты сегодня сделал... это, мягко говоря, неправильно. Не по-мужски.

С первых же слов Ава понял, что всё идёт не так. Слова звучат пусто. Он говорил — и слышал банальность каждой своей фразы. Будто листал старый, затёртый методический сборник.

— Представь, если бы это была твоя мама, — продолжал Ава, чувствуя полную беспомощность. — Тебе бы хотелось, чтобы кто-то так с ней разговаривал?

Возникла неловкая пауза. Ава мучительно подбирал новые слова, но ничего не выходило. Он уже знал — каждая следующая фраза будет ещё одной пустой, заезженной конструкцией. Ава говорил об уважении к женщине, о границах, о том, что сила — не в унижении слабого. Говорил — и сам себе казался копией учителя из назидательного фильма. Ава ясно понимал, что его реальных педагогических способностей не хватает даже для разговора с обычным подростком. Не то что с трудным.

Ему стало мучительно стыдно. Ава опустил глаза, глядя в пол между рядами парт, и попытался придать лицу строгое выражение. Он уже думал о том, как закончить. Как выйти

из этой глупой ситуации.

— Я надеюсь, ты меня понял, — сказал Ава наконец.

Это была капитуляция.

И тут он поднял глаза. Святослав сидел, наклонившись к парте. Ладонь прижата ко лбу, пальцы в волосах. А по лицу катились слёзы. Мальчик плакал.

Ава замер. Он был настолько поражен что сначала ничего не понял.

— Слава... — Ава сделал шаг вперёд. — Что случилось?

Святослав поднял глаза — растерянные, почти испуганные.

— Ничего, — буркнул он хрипло.

Вскочил, оттолкнул стул и выбежал из класса.

Ава остался один. Он стоял посреди пустого кабинета и пытался понять, что только что произошло.

На следующий день в коридоре к нему подошла Таня.

— Ты что ему сказал? — спросила она, сияя.

Ава пожал плечами.

— Ничего особенного... Просто поговорили.

— Поговорили! — она почти рассмеялась. — Его не узнать! Он вчера на уроке сидел тише воды ниже травы.

Через несколько дней об этом знали все. Таня была болтлива и искренне благодарна. Она рассказала о чудесном преображении всем. Мальчик действительно резко изменился. Стал спокойным, серьезным. Неожиданно у него открылись

способности к математике.

Постепенно, почти незаметно, за Авой закрепилась репутация не просто молодого дарования, а почти волшебника. К нему стали обращаться и другие.

Приходилось соглашаться. Сначала осторожно. Потом всё чаще. Каждый новый разговор заканчивался одинаково. Слезы ребенка и преображение. В его талант постепенно поверили все. Кроме самого Авы. Потому что он слишком хорошо помнил свой первый урок, потому что помнил каждый разговор с каждым трудным ребенком. Пустые слова и своё чувство полной несостоятельности. Он не знал, как это работает. И о не понимал, что именно вызывает такие разительные перемены.

Глава пятая

Прошло три года. Все происходящее так и осталось странной, повторяющейся закономерностью. Но теперь это стало просто частью жизни. Дар продолжал проявляться. Всегда либо на уроках, либо в разговорах с подростками. Ава уже не пытался управлять. Он просто подчинился тому, что происходит.

Со взрослыми это не проявлялось никогда. Почти. Был единственный случай.

В соседнем подъезде в доме Авы жил сосед — дядя Миша. Так его называли все — от первоклассников до пенсионеров. Когда-то он работал слесарем, потом — грузчиком. Потом перестал работать вовсе. Почти спился. Не буйный, но громкий. Его узнавали по запаху дрянного алкоголя раньше, чем по шагам. Он был проблемой всего дома — матерился под окнами, стучал ночью, мог пристать к кому угодно с бессвязным разговором.

Однажды вечером Ава возвращался домой и увидел его у подъезда. Дядя Миша стоял, покачиваясь, и громко, с хриплой злостью, матерился — при детях, женщинах и старушках на лавке. Дети замерли, развесив уши. Женщины негодовали, но ничего не могли с этим поделать.

Долг мужчины был призвать хулигана к порядку, и Ава вмешался.

— Дядя Миша, — сказал он, стараясь говорить уверенно.
— Здесь же дети. Посмотрите на себя!

Дядя Миша огрызнулся. Что-то грубое. Пренебрежительное. Может быть даже матерное, но слов было уже не разобрать.

Ава продолжил. Что нельзя так унижать себя и других. Что дети смотрят. Что ведь вы взрослый человек. И что это стыдно.

И тут Ава увидел.

Дядя Миша перестал качаться. Лицо его дрогнуло и распустилось в плачущей гримасе. Рука, только что агрессивно размахивавшая, повисла. Он медленно опустился на корточки у стены подъезда. И заплакал. Тихо. Закрыв лицо ладонями. Аве стало неловко.

На следующий день дядю Мишу увидели трезвым. Через месяц — аккуратно одетым. Он устроился на работу — дворником в соседний двор. Перестал пить. Совсем. Никто больше не видел его с бутылкой. И каждый раз, встречая Аву, он неизменно здоровался первым.

Этот случай был особенным не только потому, что дар коснулся взрослого. После него Ава понял окончательно — он ничем не управляет. Этот дар вообще ему не принадлежит. Он не источник. Он только проводник. Как почтальон, который не сочиняет письма и не знает их содержания, но приносит в нужный момент.

Дар сам выбирает время. Дар сам выбирает адресата. Готов Ава или не готов, хочет помочь или не хочет — не имеет значения. Ава в конце концов принял и это. Быть инструментом — не унижение. Унижение — пытаться присвоить себе присвоить то, что тебе не принадлежит.

За три года Ава стал в школе местной знаменитостью. Подростков иногда приводили из других школ. Приводили мамы, папы и даже бабушки. Слава расплзалась, как круги по воде.

— Наш ресурс, — шутил директор школы.

Жизнь шла своим чередом.

Но однажды всё оборвалось.

Девочка — десятый класс. Переход в одиннадцатый. Запущенная химия. Несколько пересдач. Учительница химии — аккуратная, строгая, чопорная женщина с идеально выглаженными воротниками — сначала терпела. Потом раздражалась. Потом обиделась.

— Ты меня что совсем не уважаешь? — Сказала в сердцах она на последней пересдаче.

— Нет. — Тихо ответила девочка, с дерзостью подростка.

Фраза прозвучала как пощёчина. Через неделю вопрос об отчислении был вынесен на педсовет.

Когда все собрались в учительской стало понятно — решение принято.

Учительница химии говорила сдержанно, но в голосе слы-

шалась обида, не остывшая, а только подсушенная официальной обстановкой:

— Это вопрос дисциплины. Это вопрос принципа. Если мы позволим такое отношение к педагогу — завтра будет хаос.

Все сидели молча. Это была пустая формальность. С одной стороны девочка, с другой отношения в коллективе. Спорить и ссориться никому не хотелось. Тем более учительница была заслуженной и очень уважаемой.

И тут Ава взорвался. Несколько секунд он просто смотрел на стол, на папки с бумагами, на аккуратно сложенные руки учителей, а потом...

— Я хочу сказать, — начал Ава.

Голос его сначала был спокоен. Они даже не сразу поняли, что он против.

— Если ученик не уважает учителя, то, на мой взгляд, это поражение учителя. В первую очередь. Уважение нельзя потребовать. Его можно только заслужить. Если ребёнок говорит взрослому «я вас не уважаю» — это приговор. Но это приговор нам. Разве мы их не учим говорить правду? Быть искренними? А когда правда задевает нас — мы отвечаем исключением? Мы даже не обсуждаем возможность перевода её к другому учителю. Мы не ищем решения. Мы не пытаемся спасти. Мы просто наказываем. Фактически мы караем её за слово. За честно сказанное, кстати, слово.

— И главное. Вам не кажется, что мы слишком много на себя берём? Мы пастухи, — говорит Ава. — Мы пасём детей, как овец. Следим, чтобы не разбежались, чтобы не упали в овраг. Но не забыли ли мы главное? Это не наши овцы! Не нам решать их судьбы. Перечёркивать одним решением. Как вы можете выгнать ребёнка из школы — вырвать её из круга друзей, из привычной среды, из последнего года учёбы — за вырвавшееся слово?

Ава умоляюще посмотрел на учительницу химии.

— Вам больно. Я понимаю. Но боль — не основание ломать человеку жизнь. Иначе мы просто защищаем своё самомнение за счёт ребёнка.

Не помогло. Девочку исключили. С единственным голосом против. И на следующий день Ава не смог пойти в школу. В первый день — позвонил и сказал что-то короткое, формальное. Болен. На второй день уже не притворялся. Он отчетливо понял, что больше не сможет там работать, не выдержит этого спокойного, делового продолжения жизни, из которой вычеркнули ребенка. Он не мог жить в книге с таким финалом.

На третий день пришло другое чувство — ещё тяжелее. Ава метался по квартире, садился, вставал, подходил к окну. Он осознал, что бросил не только коллег, он предал дело всей жизни. Свое предназначение. Отступил, не выдержал, выбрал бегство. И теперь мучился. Ведь если вернуться, это

будет означать согласие с их решением, если не вернуться — значит предать себя. К вечеру третьего дня боль стала почти физической. Ава сел на пол, прислонившись к дивану и закрыл лицо руками. А потом опустился на колени, и заговорил:

— Я никогда Тебе не молился. Я никогда не был верующим, но и неверующим меня тоже назвать нельзя. — Он запнулся.

— Если то, что со мной происходит, не от меня... значит, не я это придумал. Меня определил к этому Ты. Помоги мне, потому что я сбился с пути. Я не знаю, что делать. — слова давались трудно, будто Ава учился говорить заново.

— Я пытался делать всё сам. Быть сильным и правильным. Не помогло. Я уже не знаю, что правильно, а что нет. Поэтому прошу Тебя только об одном — укажи мне путь. Не дай мне ошибиться из слабости. Не дай мне отвергнуть то, что я должен принять. Потому что теперь я могу надеяться только на Тебя.

На следующий день Ава проснулся поздно. На часах было почти одиннадцать. Он, не торопясь, встал и занялся домашними делами, когда раздался звонок в дверь.

Ава открыл. На пороге стоял Паша, однокурсник и верный друг. Они не виделись с выпуска. Рядом с Пашкой стоял незнакомый мужчина в аккуратном костюме.

— Привет! — Пашка улыбнулся как будто они расстались

вчера.

Ава несколько секунд оторопело смотрел на гостей.

— Паша? Ты... откуда?

— Из жизни, — пожал плечами Пашка. — Можно войти?

Или ты всё тот же отшельник?

Они прошли в квартиру. Мужчина в костюме вежливо кивнул.

— Это Артём Сергеевич, — сказал Пашка. — Партнёр. А я... я, в общем, по делу.

Он неловко потер шею.

— Мы школу открыли. Частную. Работаем в том числе с трудными подростками. С теми, от кого обычные школы устали.

Ава замер. Пашка быстро продолжил, будто боясь, что его прогонят.

— Я, если честно, был против, того, чтобы идти к тебе. Говорил, объяснял, что это бесполезно. Но уж больно ты сейчас известен в городе Ава. Прямо чудеса какие-то про тебя рассказывают. Вот Артём Сергеевич и загорелся идеей тебя к нам переманить.

Хотя же знаю тебя. Тебя деньгами не соблазнить. Если бы это был кто-то другой, я бы сейчас красиво уговаривал — достойная зарплата, отличные условия, свобода, поддержка... Но ты же бессеребренник. Чего с тебя взять?

Пашка посмотрел Аве прямо в глаза.

— Поэтому я сразу сказал, что ты не согласишься. — он усмехнулся. — И пошёл просто потому что хотел тебя увидеть. Так что привет, Ава! Ну и пока. Потому что ты сейчас откажешься.

Повисла пауза. Ава смотрел на Пашку — и видел не только друга. Он видел ответ.

— Заткнись, дурак.

Пашка моргнул. Ава обнял его — крепко, неожиданно, как обнимают друзей после долгой разлуки.

— Я согласен, — сказал Ава.

Можно было списать это на случайность. На простое совпадение. Но Ава знал —помощь пришла. Простым звонком в дверь. И с тех пор его никогда не покидало чувство будто рядом, всегда есть чья-то тёплая и заботливая рука. Рука, которая всегда поддержит.

В новой школе дела шли так, что Ава иногда ловил себя на почти детской радости. Молодая команда, азарт, разговоры о новых методиках, о свободе и дисциплине. Он снова вёл историю, а по вечерам, когда обычные уроки заканчивались, к нему снова приводили детей. Были среди них и те, кто прошёл через ад. Алкоголь, наркотики, домогательства. Некоторые из них были как маленькие запуганные зверята. Не всегда с первого раза, но в конце концов беседы стирали с их лиц и из их душ перенесенную боль. Для этих бесед в новой школе даже отвели отдельный кабинет. Дар работал,

как и прежде. Неуправляемо, но надёжно, подчиняясь своей собственной неясной логике. И каждый раз Аве казалось, что он держит в ладонях что-то живое, что может в любой момент улететь.

Возвращаться домой приходилось поздно. В тот вечер он шёл через ночной двор. Еле-еле горели редкие фонари. Арка дома была темной, — длинный каменный коридор с облупившейся штукатуркой и запахом осенней сырости.

Сначала он услышал глухое рычание, а потом увидел их. У стены, прижатая к холодному камню, стояла девушка в лёгком осеннем пальто. Перед ней — огромный ротвейлер. Чёрный, с блестящей шерстью, и массивной шеей. Он стоял напряжённо, чуть присев на передние лапы, и рычал, оголяя зубы. Глаза его были сосредоточены на ней, как на добыче. Всё выглядело так, будто до прыжка — один миг. Ава не был героем. Он не умел драться с собаками. Но пройти мимо было решительно невозможно.

— Эй! — крикнул Ава.

Пёс резко повернул голову. Ава сделал шаг вперёд. Сердце билось гулко, в ушах стучало.

— Ты что устраиваешь? — продолжил Ава. — Ты кем себя возомнил? Волком? Ты вообще-то собака. Твои предки много тысячелетий служили человеку. Ты должен защищать, а не нападать. Ты почему напугал бедную девушку? Ты видишь, она боится? Ты почему себя так ведёшь?

Собака замерла. Девушка не двигалась — только глаза её были широко распахнуты.

Ротвейлер перестал рычать. В арке стало тихо. Теперь пёс пристально смотрел на Аву. Потом закрыл пасть. Выражение глаз изменилось — исчезла сосредоточенность. Он опустил голову и медленно подошел к Аве. Огромный, тяжёлый, он казался уже не опасным, а растерянным. Потом ротвейлер ткнулся лбом Аве в руку — осторожно, как будто проверяя. Повернулся, и не оглядываясь, побрел прочь, исчезнув в темноте двора. Ава стоял, не дыша.

— Так, даже собака, — мелькнула мысль. — А ведь собака не понимает человеческой речи. Здесь не было ни разума, ни логики. Было что-то глубже. Оно пришло, а потом ушло.

Ава повернулся к девушке. Только тогда он увидел её по-настоящему. Она была мучительно красива. В тот момент, когда взгляды встретились, Аве показалось, что перед глазами вспыхнула жёлтая молния. Короткий, почти болезненный всплеск света.

— Почему мне никогда не получить такой женщины? — подумал Ава с тоской.

— Вы в порядке? — спросил он, поразившись каким уродливым был его голос по сравнению с её красотой.

Девушка кивнула.

— Спасибо вам, — сказала она тихо.

Ава хотел сказать что-то ещё — что-то правильное, спокойное. Но слова рассыпались. Он чувствовал странное смущение, оказавшись в непривычной роли. Просто мужчина перед женщиной.

— Может быть, вас проводить?

Девушка улыбнулась.

— Да, пожалуйста, я очень боюсь, что он опять на меня нападет. Я живу здесь недалеко.

Они познакомились. Её звали Виктория и имя показалось Аве прозвеневшим в ночи колокольчиком. Всю дорогу Ава готовился пригласить её на свидание. И только перед подъездом понял, что отступать некуда. К изумлению Авы, она согласилась. Волна восторга накрыла его с такой силой что он чуть не убежал счастливый, не оговорив ни места, ни времени. А через три месяца сделал предложение.

Глава шестая

Следующим летом, Вика сказала Аве что беременна. Ава привыкал к мысли что станет отцом. То, что для нее было просто и естественно, стало для Авы откровением. Семейная жизнь с самого начала казалась чудом. Тихим, но от этого ещё более удивительным. Ужин. Её смех из кухни. Разговоры перед сном, когда слова уже не имели значения, а важны были лишь интонации, взгляды и едва уловимые прикосновения. Он постоянно ловил себя на мысли, что смотрит на неё и не верит, что всё это происходит наяву.

Физическая близость почти оглушала. В возможности коснуться её — так, как он не касался никого и никогда, — таилась какая-то непостижимая тайна. Каждое движение, каждый вздох становились откровением. Он запоминал линии её тела, как запоминают строки любимого стихотворения, — на ощупь, на вкус и запах. Её кожа пахла домом, теплом, безопасностью.

Иногда по утрам он просыпался первым и лежал, наблюдая, как солнце рисует на её лице причудливые узоры. В эти мгновения мир сужался до размера их спальни, а всё остальное — работа, тревоги, прошлое — отступало, теряло значение. Он думал о том, как это странно — вот она, рядом, дышит, и это не сон, не фантазия, а реальность, которую можно

потрогать, обнять и прижать к себе.

Она была совершенна во всём. Он восхищался тем, как она морщит нос, когда смеётся, как щиплет нижнюю губу, задумавшись; как на секунду закрывает глаза, вдыхая аромат цветов. Эти детали складывались в картину счастья — драгоценной тайны, которая теперь принадлежала только им.

Он понимал, что это и есть то самое «долго и счастливо», о котором пишут в его любимых книгах. Рука в его руке, прогулка по улице, когда она, весело смеясь взбивала в воздух опавшую листву. Вика называла это «пошуршать листьями».

Теперь во всём этом появилось что-то новое и неожиданное. Ребёнка он пока ощущал смутно. Тёплое движение под ладонью, снимки УЗИ, осторожные разговоры о сроках — всё это было реальным, но не до конца осознаваемым. Зато Вика — новая Вика — была рядом, живая, изменившаяся, чуть более уязвимая. Её он воспринимал особенно остро.

Беременность будто придала ей другой статус в его глазах. В его личной системе координат. Она стала центром, вокруг которого всё выстраивалось иначе. Это был почти инстинкт.

Они идут по улице — он уже автоматически чуть впереди, взгляд скользит по тротуару, отмечает выбоины, ледяные пятна, слишком быстрых прохожих. В магазине он подсознательно выбирает место, где меньше толчеи. В транспорте его тело само становится между ней и толпой.

Внутри включился древний механизм. Не рассудочный,

не моральный — биологический. Что-то очень старое, появившееся до слов. Охранять. Беречь. Следить. Постоянно держать её в поле зрения. Даже дома, если она переходила из комнаты в комнату, он невольно вслушивался: не споткнулась ли, не ударилась ли. Если она задерживалась в ванной дольше обычного — он начинал тихо волноваться. Если выходила на улицу без него, просил написать, когда дойдёт.

Он привыкал к мысли об отцовстве через неё.

Он был уже почти одет и собирался выйти на кухню и поставить чайник, когда из спальни услышал громкий плач Вики. Испуганный Ава побежал к жене. В висках стучало — успокоить, защитить, спасти. Вика сидела на кровати, и смотрела на свои ладони. Её глаза были широко раскрыты — беспомощные, испуганные. Ладони были в крови. На белой простыне расплывалось тёмное пятно, постепенно проступая сквозь ткань — тревожное, неумолимое свидетельство беды. Дрожащими пальцами Ава набрал номер скорой.

Больница. Коридоры. Запах антисептика. Каталка. Закрытая дверь. Его оставили ждать. Ава сидел на жёстком пластиковом стуле и тихо молился. Время распалось. Он не знал, сколько прошло — двадцать минут или два часа. Внутри — пустота. Когда его наконец позвали, он встал так резко, что закружилась голова. Пухлый, усталый врач говорил успокаивающе, как будто старался убаюкать.

— Не убивайтесь вы так, — сказал он, положив руку Аве на плечо. — Такое бывает. Я понимаю, сейчас вам тяжело. Но как врач могу сказать — всё обошлось достаточно неплохо. Осложнений нет. У вас ещё будут дети. Всё хорошо. Всё у вас ещё в жизни будет.

Ава уговорил пропустить его в палату. Вообще-то это было не положено, но он был настолько растерян и измучен, что врач сжалился. Она лежала бледная, с закрытыми глазами. Ава подошёл и сел рядом. Вика открыла глаза и посмотрела на него. И тогда Ава впервые увидел её новый взгляд. Он был другим.

Дом встретил их прежней тишиной. Та же прихожая. Та же кухня. Те же чашки на столе. Только простыни в спальне были другие.

С этого дня между ними появилась тонкая трещинка. Она была не видна, но ощутима. Внешне всё было почти так же. Но раньше между ними было живое тепло, которое не требовало усилий. Теперь ему казалось, что он касается стекла. Тонкого, прозрачного. Ава пытался поговорить. Вика настаивала, что всё хорошо, она просто устала. Но в голосе не было прежней любви. Она словно аккуратно, но настойчиво держала дистанцию, которую сама же и отрицала. Прошли недели. Он пытался быть терпеливым. Не давить. Не лезть. Но внутри росло напряжение.

Однажды Ава не выдержал.

— Вика, — сказал он тихо, — что происходит?

Она помолчала.

— Ничего.

— Нет. Происходит. Я чувствую.

— Я правда устала. — Вика отвела взгляд.

— Скажи мне. Я выдержу. Ты меня разлюбила?

Она закрыла лицо руками. Потом опустила их.

— Нет, но что-то сломалось, — сказала Вика.

Ава замер.

— В каком смысле?

— Внутри оборвалось что-то важное. Ты по-прежнему главный мужчина в моей жизни. Я хочу прожить жизнь только с тобой. Своих детей я хочу только от тебя.

Она долго искала слова.

— Но я сейчас не такая, как раньше. Это не значит, что всё закончилось. Просто... то, что было, невозможно вернуть. Это можно только возродить заново. Я хочу вернуться к началу. Хочу успокоится.

Это для Авы было немислимо. С первой встречи, с первого поцелуя, она стала для него всем. Всё в его жизни теперь соизмерялось с ней. Он не представлял себя без неё. Отдалиться — означало вырвать часть себя. Как вынуть из груди сердце и оставить его лежать, пока пытаешься вернуть любовь.

Он понимал, что она хочет, но не принимал это. И всё

же ради неё он решил терпеть. Это было трудно. Очень. Он согласился на медленное, осторожное сближение. На свидания, как будто они не живут вместе. На лёгкость в разговорах, где нельзя касаться боли. Он улыбался. Шутил. Старался быть внимательным, но ненавязчивым.

А внутри его душу затопила туча. Постоянная. Тяжёлая. Она не уходила ни утром, ни днём, ни ночью. Он шёл на работу — и чувствовал её над собой. Разговаривал с коллегами — и слышал собственный голос как будто издалека. Всё потеряло свою ценность. Успехи, привычные разговоры. Он не жил, а ждал.

С утра всё было как обычно — работа, короткие фразы, попытка держать лицо. Обычный тяжелый день его привычной жизни. Вика ушла спать рано. Он остался на кухне один, сидел в полутьме, не включая верхний свет. Чашка давно остыла. За окном медленно опускался вечер, и в отражении стекла он видел своё лицо — постаревшее за эти месяцы. Вытянутое ожиданием.

В дверь позвонили. Звук был неожиданным в этой вязкой вечерней тишине. В звуке неожиданного звонка почудилось что-то неотвратимое. Ава поднялся не сразу. Сердце ударило быстрее — без причины, от внезапности. Он прошёл по коридору, и открыл.

На пороге стоял Кай. Высокий, в тёмном пальто, которое делало его фигуру ещё более вытянутой. Лицо — знакомое,

но изменившееся, резкое, с чёткой линией скул. Его ореховые глаза в полумраке подъезда казались почти янтарными. Повисла пауза.

Кай чуть заметно склонил голову и сказал, — Ну, привет, брат...

Часть вторая Кай Глава седьмая

Спал Кай тяжело. Сон был беспокойным, обрывочным. Не отдых, а продолжение дня — с теми же криками, короткими командами, глухим гулом в голове. Он лег, не раздеваясь, в тонкой, пропахшей пылью комнате, где воздух даже ночью оставался сухим и горячим.

Проснулся от того, что его тряхнули за плечо. Сначала не понял — во сне это превратилось в чьё-то падение. Но тряска становилась всё настойчивее.

— Вставай, командир.

Кай открыл глаза. Темнота была ещё густой, предрассветной. Лицо Михаила нависало сверху, почти неразличимое.

— Что случилось? — спросил Кай хрипло, ещё не проснувшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.